

Василий Русаков

ГОРОДСКИЕ
ЭЛЕГИИ

Санкт-Петербург
ММII

Василий Русаков

ГОРОДСКИЕ ЭЛЕГИИ
И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
1999 – 2001 г. г.

Санкт-Петербург
ММII

Василий Русаков – поэт, прежде всего петербургский. И по мироощущению, и по литературной родословной, и по тесной связи с той поэтической школой, которая в значительной степени определяет современный поэтический пейзаж города.

Стереотип петербургского (ленинградского) поэта, воспевающего красоты родного города и при этом следующего более или менее привычному руслу классической традиции, уже давно утвердился в читательском (а ещё больше – в профессионально-критическом) сознании. Как всегда, в этом стереотипе немало и верного. Действительно, интенсивное переживание принадлежности к особому петербургскому миру, душевное влечение к ценностям европейской культуры, переключка с образами российской и мировой поэзии – всё это составляло, и ещё долго будет составлять содержание многих стихов, написанных в Петербурге.

Но поэт Василий Русаков живёт не только в условно-поэтическом пространстве, именуемом Северной Пальмирой, Петрополем и т. п. (кому как нравится), но и в современном субъекте Российской Федерации – Санкт-Петербурге, окружённом Ленинградской (всё ещё Ленинградской!) областью. А вокруг Сланцы и Кириши, Луга и Гатчина, дачные посёлки, пригороды... Да и Петербург у Русакова – не только парадный, хрестоматийный. Мореходка на Васильевском, Ириновский проспект, железнодорожный переезд возле Новой Деревни, массивы новостроек у Лахты в его стихах не менее значимы, чем Эрмитаж или Медный всадник. В лучших своих стихах он сочетает мечтательность элегии с пристальным взглядом современного горожанина. Вид из окна порождает не только живописные или литературные ассоциации. В поэтическую речь властно вторгается говор толпы. И сам автор не слишком выделяет себя из массы утренних пассажиров и вечерних прохожих. Но пассажир метро оказывается законным наследником не только участников парада физкультурников на Кировском стадионе, но и блестящих гуляк и вольнодумцев Царицына луга. И всё-таки унаследовал он не только барокко и ампир дворцов и храмов великой империи, но и бараки и коммуналки великой зоны, именуемой Советским Союзом. И сегодняшний Питер если как-то ещё и сохраняет связь со своим блистательным и трагическим прошлым, то не за счёт на глазах разрушающихся зданий, не за счёт превратившейся в стоячее болото Маркизовой лужи и отравленной промышленными стоками Невы, а, прежде всего, благодаря классическому русскому стиху, так и не покинувшему невские берега. И сегодня, как сто или двести лет назад, он доставляет радость своим звучанием, той ни с чем не сравнимой влагой, которая оживляет слова и придаёт им смысл и долговечность.

Василий Русаков выпускает уже не первую книгу. Писал он всегда много и всегда увлечённо. Отдал он в своё время дань и «вечно-петербургскому», и условно-классическому. Но и тогда его отличала интенсивность поэтического переживания, упорная работа над стихом. теперь можно говорить о собственной, непохожей на других и потому – узнаваемой манере. Читая эту книгу, вспоминаешь, что и любовь к родному городу, и поклонение вечным образцам мировой культуры могут быть личными, а значит конкретными, что укоренённость в классической традиции не означает непременно подражательности или условности, что самые хрестоматийные имена и реалии могут породить подлинные переживания,

которым приходится верить. А приходится потому, что убеждает органическая ткань стиха. Там, где Василию Русакову удаётся достичь такой убедительности, ему удаётся главное – неподдельная и неповторимая интонация поэтической речи. Ради этой интонации и стоит поэту писать, а читателю читать стихи.

Думаю, что новая книга стихов Василия Русакова найдёт своего читателя и что эта книга – далеко не последняя.

Давид Раскин

I

* * *

Из окна виден детский сад,
Угол школы в коричневой плитке,
Отражающей свет, поднимаешь взгляд
Выше крыш – и неба в окне в избытке,
И осенние птицы, зажившие тут
(Облака ложатся на крылья, спины...),
Так дугой нестройной на запад прут –
Ни ориентации, ни дисциплины.

Вечером в окне моём закат
Размывает акварелью предсонный воздух;
Наш квартал нестроен и угловат,
В частых-частых окнах, как в близких звёздах,
Торопливый вяз, почернев листвою,
Машет припозднившимся этим птицам.
И твоё окно может стать звездой,
Если очень поздно и не спится.

* * *

Я видел фотографию: сближение
Галактик двух – перетекает газ
И гибнут звёзды. Их изображение
Сто миллионов лет идёт до нас,
Но только общий план – мелькают звёздочки,
Сквозь космос протекая, словно сель –
Так в котелке Господь, присев на корточки,
Помешивает плазменный кисель.

Стреляют брызги, струи изгибаются,
Как сабли, наполняются огнём,
И при ударах искры высекаются –
На фотографии светло, светлей, чем днём –
И в этой карусели нескончаемой,
В движеньи раскалённых звёздных руд,
Где место духу? – Гибель и отчаянье...
А вдруг и там?.. Не верю... Не живут...

* * *

В квартире холодно, на улице плюс десять,
Мир согревает только лампочек накал,
Да чайник со свистком, да гнёзда пухлых кресел...
И неуютно от всеведенья зеркал
Становится, и мысли в книгу прячешь,
И утешаешься – не тяжек твой удел:
Ты, в общем, сыт, кому-то что-то значишь –
Так Меншиков над библией сидел.

Опора есть. Есть масса аналогий.
Есть два прогноза: так и этак жить.
Есть строгий мир и ты, совсем не строгий...
Согреться, отсидеться, окружить
Себя теплом, ползущим меж лопаток,
Щекочущим затылок – видит Бог:
Всё в целом хорошо, во всём у нас порядок –
Жаль Меншикова, он, поди, продрог.

* * *

А. С. Д.

Придёт зима. Что делать нам? Смотри же,
Как мёрзлой ветки хрупок позвонок
В щетине инея некрупного, всё ближе
Прозрачный холод... Кажется, манок
Снегирьим голосом каким-то еле слышным
Зовёт за стены – лето утекло...
Да здоровствует зима! Давай, надышим
Незримое легчайшее тепло;
Давай, запрёмся от зимы надолго –
Насколько хватит разума и сил...
В конце-концов, я – не в стогу иголка,
Куда мне деться? Кто бы возразил...
Налей муската, этот сорт от прочих
Я отличу, а ты сам – отличи:
Здесь Ялта вся, Массандра вся и Сочи,
И солнечные прошлые лучи;
Здесь всё, что было, собрано когда-то,
Сохранено для сердца и ума,
И если выбрать время для муската,
Так время это, кажется, зима...

* * *

Н. М.

Не умеем жить и не умеем
Умереть, а кажется – так просто,
Словно встреча лёгкая с Морфеем
Умиrotворяющим. Короста
Дней земных осыплется, прохладный
Воздух встанет в медленной гортани,
И куда он, дар случайный, жадный
Денется? Какими же ветрами
Выдует из теплящих объятий
Этот вдох – нам видится заранье –
Мир за каплю, продолженья ради
Трудного подкожного дыханья,
Обменять. Неужто жалко? Что же
Предложить за этакую малость?
Только жизнь желанней жизни. Прожит
Миг за миг и больше не досталось.

* * *

Н. М.

Снова сон, обволакивающий, как
Нечувствительно-лёгкий бриз,
Обнажённое, прячущее в полумрак
Свои мысли, тело, навис
Над сознанием не сдающимся; что ж,
Разве кто-нибудь перевозмог
Хоть единожды тёплую силу? Дрожь
Предпоследняя... Твой челнок
Закачался – ни выси, ни глубины,
Всё притянута здесь и сейчас:
Никакой рефлексии и вины
Никакой. Отпусти полиспаст –
Пусть разматывает барабан канат
В невесомость, в места твои,
Где родное всё, дороговое... Взят
В миг случайный – плыви, плыви.

* * *

Так спеленать, чтоб не пробилась дрожь
Асфальт густой, так полюбить друг друга,
Чтоб этот мир, в котором ты живёшь,
Сырым гранитом выложенный туго,
С поклоном полупьяных фонарей,
В цветной ночи и в сумраке зелёном
Хранил тебя и крепостью своей,
И пулковским стремительным бетоном.

Так спеленать, чтоб этой пеленой
Всё охватить до дали невозможной:
От баренцевой ласки ледяной,
До нерчинской неметчины таёжной;
Почувствовать, додуматься, узнать
И совладать с непоправимым лихом...
Все толщи сшить, пространства обвязать,
Уйти в Атлантику и появиться в Тихом,

Чтоб говорили позже: повезло –
Из этих бездн легко ль вернуться целым?
Не взлёт, не озаренье – ремесло:
Спокойно жить и заниматься делом –
Несаженное тщательно полоть,
Ткать вечный холст, сучить ту – помнишь? – пряжу,
И пеленать рифмованную плоть,
Утяжеляя времени поклажу.

* * *

Как паровоз экранный, в копоти
Влетающий на переезд,
Так между станций в чёрном грохоте
Состав метро несётся; мест
Свободных нет и сидя, стоя ли,
Единой слитной массой став,
Как будто плоть в железо встроили –
Рычаг в рычаг, сустав в сустав,
Мы едем и одним движением,
Как по команде: делай – раз!
С каким-то общим напряжением
Все реагируем сейчас
На повороты, торможения,
Не открывая сонных глаз,
И только сила притяжения
Ещё воздействует на нас.
И вот зарницей, дальней молнией
Сверкнуло, словно в позднем сне –
Не нарушай ничем безмолвие,
Ты – пассажир в своей стране;
Проходят станции, врываются
Во тьму вагоны – свет мелькнул,
И снова двери закрываются
И нарастает ровный гул.

* * *

Под благовидностью наружной
Могил сплочённых, кто поймёт –
Что мертвецам от жизни нужно,
Уже прошедшей мимо, от
Родных и близких невесёлых,
Расслабленно бредущих прочь,
Чтоб в сновидениях тяжёлых
Тревожить их за ночью ночь?

Последней нежностью вдогонку
Не приласкать – ушёл, зарыт;
И, словно в Лету, на Волхонку
Отправлен... Гордость или стыд –
Всё кануло, всё улетело,
Ничто уже не горячо –
Ум забывает, только тело
Хранит историю ещё.

Но им-то что? Их дело – тихо,
А как иначе? – исчезать,
И смерть – картонная шутиха,
Их не пугает... И опять
На Троицу, в поминовенье,
Там, у "Московской"... Этот путь
Последний ли? Быть может, зренье
И слух сумеешь обмануть,

Но не себя – отдёрни шторку,
Не заслоняйся – может, тих,
Но, словно, встроенный в подкорку,
Весь сонм покойников твоих
Живёт и опекает... Стёртым,
Каким-то, словом мир связать...
Но даже им, давно уж мёртвым,
Ты что-то должен рассказать.

* * *

На свете том, как, впрочем, и на этом,
Все чем-то заняты – льют воду, катят камни,
И заседают в местных комитетах,
Где лозунги партийные висят.
На свете том полно забытых сумок,
Зонтов потерянных, найденных перчаток,
Носков без пары, сношенных сандалий
И выброшенных к чёрту сигарет.

Куда иначе деться могут вещи? –
Их сущности, нам сказано, нетленны,
И пребывают в сайдах запредельных,
К нам приходя в идеях или снах.
Что знаю точно, в чём не сомневаюсь:
Там ад и рай, как здесь, неразделимы,
И вестники пророков – серафимы
Играют с демонами в карты и лото.

Представь себе: ты там, ты после жизни
Заходишь в «Елисейский» зеркальный,
Где меж колбас, нектаров и амброзий,
«Столичной» водки, плавленных сырков
Находишь всё, что, кажется, исчезло –
От манных каш, кисельных пенек толстых,
До сахарно-непредставимых фруктов,
Оставшихся от детских райских грёз.

Там воскресают сломанные стулья,
Разбитых чашек целые сервизы,
Нечитанных томов библиотеки
И кошки убежавшие, и псы;

Там все твои возможности дождутся
Пока ты их используешь, поскольку
Всё повторимо, всё восстановимо –
Хоть с Клеопатрой вечность проводи.

Рай прирастает, рай переполняет
Пространство, гуттаперчевое время
В модем вползает змейкой тонкокожей,
Дрожит в ладони мышью с проводком;
Творец, похоже, повернулся в кресле
И кофе пьёт из чашечки небесной,
А за спиной по гладкому экрану
Плывут спиральки, рыбки, облака...

* * *

6-ая РОТА

Памяти псковских десантников

Снигирь, не окончен ещё разговор
О воинской доблести; знаешь, у нас
На смерть и на солнце не смотрят в упор,
А если случится – не просто приказ,
А, верно, судьба или точный азарт,
И совесть, и через твоё «не могу» –
Не слава, не блеск бесполезных наград,
А чтобы себе доказать и врагу,
Что мир без усилий твоих, без трудов
Немыслим, что высь эта тихая, ширь,
Тебя призывают, а ты не готов.
Не пой мне военную песню, снигирь.

* * *

Время, только время непреодолимо –
Ни назад не двинуть, ни вперёд,
Так, согласно с водами Гольфстрима,
Океан недвижимо плывёт;
Таково громадных толщ движенье
С косяками сайры и трески,
Что дрожит Земля от напряженья –
Тяжких скал ледовых отторженья,
Средиземноморские пески
Тонны вод влекут в водовороты –
Кто же может противостоять?
Только разум-каменщик оплоты
Воздвигает, чтобы нам опять
В сотый или, может, в миллионный
Раз отбить упорные валы,
И в своей Голландии зелёной
(Ну, почти - Аркадии) земли
Удержать полосу до подхода
Свежих сил и укрепить твой щит.
Каменщик, трудна твоя забота,
Но, смотри, внутри водоворота
Слава пирамидою стоит.

* * *

*... сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить как ныне!..
«Скупой рыцарь» А. С. Пушкин.*

Когда бы знал тот рыцарь несговорчивый,
Что всё на свете только трата, трата
Непрекращающаяся, и кончено
Об этом... Если вдуматься, когда-то
Всё энтропией кончится, и медленно
Придёт зима – что делать нам? А впрочем,
Когда бы знал, кому и что отмерено
Тот рыцарь, что же, был не так он точен
В своих подсчетах? Разве, разворотливый,
Он выпустит вдову с последней лептой? –
За граммом грамм, за мигом миг заботливо
Уложены сокровища... Отпетой
Душе не знаю, что сказать... Иначе, на
Что и жизнь тебе, когда монетой стёртой
Она заброшена, не спрошена, не трачена,
Как до рожденья, оставаясь мертвой...

* * *

О С Е Н Н Е Е

Твой долгий сон ещё не тронул век
Твоих, и листья в зелени прозрачной
С последней жадностью отслеживают бег
Светила скучного... Довольно! К жизни дачной
Элегия подходит не вполне –
Нет винограда здесь в пурпурно-терпких гроздьях
И нет тебе плодов в румянах поздних,
И ничего, чтоб возвратило мне
То, что вчера цвело, и обещало,
И не жалело праздных сил...
Довольно, сказано ж... Начать сначала:
Твой долгий сон не сном, наверно, был,
А чем – не знает жизнь; её старанья –
Попытка опыта преодолеть,
Нет, нет – не смерть, а умиранье...
А может быть, и смерть...

ЧЕТВЁРТЫЙ ВОЛХВ*(реминисценция из Мишеля Турнье)*

Когда за новою звездой
Сквозь африканские пустыни
Шёл царь Каспар, и на постой
Остановился в Палестине,
Ему, волхву, пел Иордан –
Тебе откроется отныне
Лицо и белый, белый стан
Другой, чувствительной, рабыни.

Когда на запад кочевал
Царь Балтазар с сачком и книгой,
И в тех краях заночевал,
Где Ирод грозный и великий
Искал преемника, вела
Волхва не тяга к откровеньям,
Ему лишь бабочка была
Нужна с жемчужным опереньем.

Когда, на юг бросая взор,
От пирсов Тира и Сидона
Бежал в тревоге Мельхиор,
Не зная цели, полусонно
Смотрело небо, и звезда
Качалась лодкой у причала,
Была вселенная пуста
И ничего не означала.

Вот над рождественским царьком
Стоит свидетель осторожный...
Но был ещё один, о ком
Молчит евангелист дотошный –
О ком-то, чей удел суров:
Он посох лентой не украсил,
Он не принёс Святых Даров,
Не устелил соломой ясель...

Сластёна, баловень, когда
Судьба вела к трудам и бедам,
Не знал он, что была звезда,
И о спасении не ведал,
Но мыслью странно влеком,
Капризничая и скучая,
Смотри – скорбит он о другом,
Своей беды не замечая.

Не страсть, не изощрённый ум,
Не профиль, втиснутый в монету –
Фисташковый рахат-лукум
Его повёл по белу свету;
Он не дошёл, и ничего
Душе избитой не открылось,
Но всё свершилось – для него,
И ничего не завершилось.

* * *

Какой-то странный свет в недобром взоре,
Какой-то, с песней вымученный, крик:
И кочегар в раскинувшемся море,
И корабельный батюшка-старик...
Сентиментально, медленно – умрёте
От жалости, от набежавших слёз,
Скулит гармонь в подземном переходе,
Как будто жив несчастный тот матрос
И до сих пор оплакивает друга,
С колосником ушедшего на дно...
Издалека уже не слышно звука,
А через шаг рябое полотно
Дождя со снегом всё отгородило
И мёрзлый ветер закаляет сталь –
Что было там, что песня пробудила?
Да и сама уж вспомнится едва ль...

* * *

Зиме ещё несколько дней до прихода, и нам
Возможность дана приготовиться – шапки и шубы
Проветрить, почистить... К холодным привыкнуть ветрам,
К неспешным морозам, целующим запросто в губы;
Возможность дана приготовиться к долгим часам
Вечерним, когда за окном ни тепла, ни просвета –
Мир полностью равен обоим своим полюсам,
И, в общем, ты знал и всю осень предчувствовал это.

И как не готовься, и сколько не штопай носки
И варежки, сколько не жди снегопада и бури,
Находятся дырочки – невероятно близки
Дыхания наши, и разница в температуре
Не позволяет границу почувствовать: взят
В белое поле, оклики – весна не ответит –
Стужа густая. И звёздный расчисленный взгляд,
Может, и вспомнит, но вряд ли кого-нибудь встретит.

II

* * *

Заводишь речь, и речь тебя заводит,
И говоришь, и оком законным
Светило смотрит, и в потёмках бродит
Слепой певец с младенцем незаконным –
Твоя же речь, но вовсе незнакома
Она тебе и ты ей, потому-то
И кажется, что неродная; дома
Ей тяжело, и каждая минута,
С тобою проведённая, похожа
На пытку правдой, сказано же было:
Плох тот поэт, кто с первых слов не может
Врать безоглядно... За окном светило
Неложный свет, пусть даже отраженный,
Являет миру, в пустоте маяча...
Слова приходят к мысли обнажённой
И наготой любят не зряче.

* * *

Когда бы солнце нам вернуть из вечной ссылки
И поместить в кругу живых светил...
Смотри, ещё пусты вчерашние носилки,
Ещё Француз не выходил;
Но страшно, страшно как – в предчувствии холодном –
Ведь сам, никто не виноват –
Всё понимать, безвольным, несвободным
Встречать мерцающий закат,
И воздух сглатывать всё мельче, всё короче,
Взгляд фокусировать наоборот –
Чем дольше день, тем больше смысла в ночи –
Поймёт Жуковский, Вяземский поймёт,
Но ты, свободы тайной воздыхатель,
Тебе страшна ночная тишина:
Больничный шёпот, капли на халате,
Морошка с блюдечка и что ещё? – жена...

* * *

Да, конечно, Дантеса убить, задушить в колыбели...
Как там, в Греции, было – Лернейскую гидру,
Немейского льва...
Что он, сволочь, себе позволяет, на самом-то деле?
Впрочем, прошлого нет, и его не поправишь,
и, значит, права,
Вероятно история – в тёмном её арсенале
Отыщу бесконечное множество подлых затей,
А поэтов, чего их жалеть? Не таких убивали...
И таких убивали... И всяких... И просто людей,
Непоэтов, таких-то, как раз, было больше, припомни
Копьеносца любого, ландскнехта, юнца-
Гимназиста, курсанта... И право, не знаю, кого мне
Жалко больше... Андрюха Шульгин без конца
Вспоминал о Башкирии, кажется; вроде оттуда
Был он призван, отправлен в Хабаровский край,
только месяц ему
Оставалось до дембеля... Умер... Ту звали – Гертруда,
Эту – Марта... Мария... Того – Михаил... К одному
Все приходим концу, впрочем, нет, и концы-то отличны:
Тот сгорел, на другого бетонная пала стена...
Так вот грохнулась... Бог мой! А мы до чего прагматичны:
Как теперь он один?... Как теперь без него-то она?..
Да никак. Да уж как-нибудь. Видишь ли, нитка отвеса
Направленье укажет туда, где светло и темно...
А когда б Александр Сергеевич шлёпнул Дантеса,
Мы б того пожалели за горькую участь его.

* * *

Я уже ненавижу переезд железнодорожный
Возле Новой Деревни... Нитку в иголку вдень же,
Господи, и заштопай, если можно,
Эту прореху в пространстве... Четверть часа, не меньше,
Ежедневно торчу здесь по дороге с работы,
Метрах в трехстах от места известной дуэли,
Волей-неволей подумаешь – кто ты, что ты?
Сколько тогда они до сорока успели! –
Нам и не снилось. Даром своим дорожили,
Может быть, больше нас – понимали,
Что завтра не будет, всё здесь и сейчас или
С детства планиду свою роковую знали?..
Мы же не знаем и стыдно судьбою
Назвать эту возню: ожидание шанса
Своего, эту привычку – с бою
Брать своё же... Не удержусь, подамся
Прочь, туда... Впрочем, куда – неизвестно.
Азимут определи, координаты счисли
И укажи, и назови место
Где-то за краем рассудка, за гранью мысли...

* * *

Сальери прав, он только один и знает,
Что такое гений: труд и упорство,
Собственно, вот и всё, а талант бывает
Лишь пристяжной в этой упряжке. Просто
На какой-то ступени становится очевидной
Каждая искра случайного дара; каждая нота
Место найдёт в мелодии общей, слитной,
Это и будет терпение и работа.
Это и будет твоё вдохновение – между
Делом и словом зазор устранить, впрочем,
Главное – мысль, а какую она одежду
Выберет, это неважно. Сточен
Временем Парфенон по самые дёсны,
Где же труды, где же и гений древний?
Вал набегаёт неразличимый, грозный,
Не оставляя ни звёзд, ни терний...

* * *

Весь Рим с его великолепием: и Форум,
И Колизей, и что ни назови –
Осколки времени, античный бог, с которым
Не расстаёмся, маемся... Треви –
Последняя слеза над гробом опустевшим.
Всё – память камня, мраморный балет
Давнишних цезарей, чьи правнуки с поспешным
Восторгом брошенных туристами монет,
Не то, что б россыпи, но блёстки собирают,
И им работа эта не трудна –
Их взгляды дальнорюккие ныряют
И достают златочешуйчатого дна...
Невольницу послушную – цитату
Прости нам, это общей музы весть,
Фетида знать не знает, но утрату
Предсказывает. Рим всемирный есть
Всегда и всюду, как в библиотеке –
Открой любую книгу – и согрет
О нём видениями. Кажется, сквозь веки
Неотвечающие смотрит наш поэт:
Он тоже там и в безвоздушной вате,
Как на хранении амфора, но открой –
Подобно той воскреснувшей цитате
Он говорит, невидимый, с тобой,
Он изгнан, он безмысленною тенью
Ладонью емлет прах летейских вод,
И голос твой, к его примкнув сомненью,
Его души уже не достаёт.

* * *

Что Греция? – Возможно, пастухи,
Классические боги, флейта, лира...
Да, и стихи, конечно же – стихи
С вином разбавленным, с куском сырого сыра
Овечьего и с козым молоком,
С лепёшкой пресной... Вот и всё. А нам бы
Лишь о героях – было бы о ком!
И чтоб гекзаметры, и рубленые ямбы,
И логоэды... И когда потух
Уже закат, пред ночью бессловесной
Сложил бы песню странную пастух
И выменял на сыр с лепёшкой пресной.

* * *

Неужели уже никогда не воспеть нам деяний героя
И жены его, нежно-желанной и строгой подруги?
И язык наш разрушен, как бедная Троя... В метро я
Мимоходом читаю рекламу – товары, услуги,
Даже чьи-то стихи в переводе Степанова, впрочем,
Их не видит никто – и висят неудобно, и мелко
Набран текст, или просто народ по утрам озабочен
Совершенно другими проблемами... Скажем, Анелька
Сборной Англии гол вколотил, а вчера президенту
Объявили импичмент и что-то ещё, это слово,
Спотыкаясь, никак не осилит бабуля... На ленту,
Неизвестно какую, мотает сознание: Довгань, Смирнова,
Кириенко, Невзглядова... Модный салон итальянский...
Подплывают ахейцы всё ближе, всё ближе... Я вижу –
Этот буйвол из Буффало в куртке, наверно, троянской
Крутит плеер, трясёт головой. Петербургская жижа
Проникает в подземные залы. От смены до смены
Непрерывной цепочкой мелькают вагонные окна.
Закрываются двери... Спартанская... Дальше – Микены...
Словно время, срастаясь, из прошлого тянет волокна
Кашемировой ткани какой-нибудь, шёлка, виссона...
Ближе, ближе триеры – ни вспышки, ни всплеска,
лишь плечи
Полирует стихия и тратит, и тратит, бессонна,
Золотые жетоны глухой поэтической речи.

* * *

Ты ищешь смысла, спелеолог,
В пластах пород, в кладовках руд,
Где твёрд небесный тёмный полог
И камни каплями текут,
В готические превращаясь
Столпы, смыкая гулкий свод,
И недра, трудно раскрываясь,
Своих не ведают щедрот.
По этим трещинам и резким
Изломам, норам – вглубь и вглубь:
Где водопад с весёлым плеском?!
Хоть тучку, тучку приголубь
Прощальным взглядом – под горою
В другом значенье горизонт
Тебе предстанет, и сырою
Пахнёт прохладой Ахеронт.

Теперь сравню тебя с поэтом
Идущим в глубь словесных груд
За тем же смыслом, с тем же светом
Во лбу горящем; так же крут
Твой спуск, как спуск в пещеры духа,
В заветный мир страстей, где блажь –
Затеи странной повитуха,
Где пазух карстовых и чаш
Пространства множатся, и косных
Рукой текучих стен коснись:
Сопrotивляется ли воздух,
Когда уносит голос вниз,
Туда, где яма эта, прорва,
Всё хочет в чреве уместить? –
Сопrotивляется ли слово,
Когда его произнести?
Или вода уныло, вяло,
Устала ль в подземелье течь,
Где нет другого матерьяла
Поэту, втиснутому в речь?..

* * *

Бросаешь камушки, река их отражает
И долго, долго, долго над водой
Мелькают, блинчики – по-нашему, и тает
В проточной влаге тёмно-золотой
Случайный плоский блик, вечерним солнцем
Заляпана поверхность, пузырёк
Прозрачный поднимается, и стронций
Разлит по скучной ряби. Козырёк
Ветвей густых с тучнеющей листвою
Навис над берегом и некому сказать:
Я увлечён забавою пустою –
Стихи слагать и камушки бросать.

* * *

Всё возвращаешься к одним и тем же строкам,
Что тянет к ним? – не разобрать,
Кому оставлены в оцепененье строгом,
Кто распечатает, кто, прочитав тетрадь.
Войдёт в сношение, как сказано, с душою?
Так близко подбираешься – прочти,
Пусть автор был фигурой небольшою,
Неважной, невнимаемой почти;
Или почти что не был – от Орфея
Осталась сказка, больше ничего.
Читай, вникай, сиди в ночи, совея,
Прощупывай регистры своего
Глухого голоса... Нечаемая тяжесть
Из внутренних, неведомых небес
Ещё опустится, ещё, усталый, ляжешь,
Ещё почувствуешь тот полнозвучный вес
Знакомых слов, ещё остепенишься,
Пока же, вот – гардина и герань,
Луна в окне... Всё думаешь – продлишься
За твёрдых рифм невидимую грань.

* * *

Всё тянет к тем тавернам, портам,
Где экзотическая рвань
Со Стивенсоном, Грином, чёртом,
Где слово вкусное – бизань,
И тут же – ворвань... Нордом север,
А зюйдом называют юг,
И трап – долой, и рубят леер,
И «Эспаньолой» вышит круг.

Но труд убийственный под белым
Полотнищем укрыт, забыт...
Припомни: к детским каравеллам
Ты припадал, их гордый вид,
Их лёгкость, стройность – всё пленяло,
Ты шёл уже, взбегал на вал,
Не будучи смущён нимало,
Что географии не знал.

Да господи, не в этом дело!
Не эта каторга страшна –
Душа *иного* захотела,
Иная музыка слышна:
Её кричит морская птица,
О ней молчит в пучине смерть...
Не страшно, что не возвратится,
Ведь всё равно не запереть.

* * *

Ни дорожных рожков, ни почтовых ямских перебранок,
Только стук многодневный, мельканье невидимых шпал,
Да вдоль насыпи искры разбитых бутылок
и лопнувших банок –

Это поезд-шаман, это он накамлал, нашептал,
Разбросал и бежит по железной лыжне, причитая
На разъездах, качая уснувших в купе ездовых,
В подстаканниках звон и стеклянные столбики чая,
И нависшее небо белёсых пустых потолков.

За Урал, на Тагил да на Пышму, на Исеть... Дробятся
В лучезарных осколках, похожих на рыжики, дни.
Расползается лес по пологим предгорьям... Забраться
В эти дебри, дожждаться сухой осторожной возни
Неизвестных животных... Не ехать, остаться по эту
Оживлённую сторону суток, билет потерять...
Всё равно, не тому, так другому случится поэту
Повторить тот же путь и сойти, не доехав, опять...

* * *

Ах, что им дался этот ворон,
Его невидимый полёт?
Как по-рязански, с проговором,
Кармен про ворона поёт...
Вся театральная условность –
В кулисах спрятанный простор,
Великолепие и скромность
Разбойных Иберийских гор,
И то, что Лукас убивает
Быка в загривок – глаз-опал –
Всё эту страсть подогревает,
Её избыточный накал,
Её (не верю же!) интриги –
Актёры не жалеют нас,
Мы это всё читали в книге,
Мы это видели не раз,
Мы знаем – он её... А впрочем,
Нет, мы не знаем ничего –
Сюжетец временем обточен
И что-то выпало, его
Теперь легко вернуть к истоку,
Придать благообразный вид –
Всё хорошо и лыко в строку...
Но ворон, ворон-то, летит,
И конь твой на погибель скачет –
Губами мёртвыми зови...
Смотри – всерьёз актриса плачет
О книжной, о своей любви.

* * *

Показали по телеку документальный
Фильм об Ахматовой – к юбилею,
Очевидно, сняли, как в зазеркальный
Мир попал я – почти болею
Той советской, наивной верой
В то, что способны на самом деле
Приобщиться массы к стихам... Не первый –
Многие, помнится, опьянели,
Кислород свободы вдыхая, строки
Повторяя запретные... А отсюда
Видно – Кузмину подражала, боги
Неподсудны. И всё-таки, видишь, чуда
Не произошло, и герой, как парус,
Растворился – осталось пальто из драпа,
Да вот этот пафос... А, знаешь, Пафос,
Он и был-то служкою у Приапа.
Но по телевизору: вносят розы,
Возле фотографий кладут горою –
Оттепель, подъём, метаморфозы,
И опять поэма нужна герою.

* * *

Среди аллей твоих, оград,
Напротив медленной канавки,
Мой Летний, мой не летний сад,
На лавке бронзовой в отставке
Твой баснописец не зачах –
В нём до сих пор и статья, и сила,
Сродни тем вязам, что в лучах
Стоят чуть скорбно и красиво.
Им тесен ящиков приют,
Где мрамор от зимы и взгляда
Укрыт, упрятан – не дают
Им насладиться, и не надо –
Представить можем хорошо
Нетерпеливую Психею,
И рыхлый снежный порошок,
Осыпавший затылок, шею;
Оцепеневших рук ярмо
Вообразим, и лампу тоже,
Нетрудно нам, нам всё дано –
Мы старше вас, мы вас моложе,
И нам труднее вспомнить весь
Словарь сюжетов... Знает кто-то –
Где здесь душа, где камень здесь?
Что вдохновенье, что работа?!

* * *

*Среди них найду я человечка
С головой, повернутой назад.
А. Кушнер*

В Эрмитаже, даже в Эрмитаже,
Твой сюжет увидеть не могу:
Человечек на античной чаше
Замер, оглянувшись на бегу,

Только, разве можно обогреться
Вечным прошлым? – В битву вовлечён,
Убежал троянец от ахейца
В темноту стремительным лучом.

И ещё погоня не остыла,
Размахался маятник в груди,
Остальным неважно, что же было,
Важно то, что будет впереди!

Лишь один потерян и напуган,
Он, смыкая времени кольцо,
Всё равно торопится по кругу,
Повернув к минувшему лицо.

Он один, один, дорогу зная,
Видит цель, соизмеряет труд,
А они, пути не выбирая,
Наугад в грядущее бегут.

Финиш пуст. Минутной славы танец
Отремел, следы перемешал...
Твой ахеец выдохся, троянец,
Ты почти от смерти убежал.

* * *

Отвердело время, гранитом стало,
Словно памятник, только слово
Крепче меди; вообще металла
Не отлили ещё такого –
Тот же меч ржавеет, теряет жало,
А оно и тления убежало,
И забвения, и всякой иной напасти,
И вернулось, и проросло снова,
И перед тобою – живей живого...
Посмотри внимательно – в твоей ли власти
Оно или ты в его власти?
Предстоишь и ходишь пред его ликом,
А оно куражится – вот те здрасьте!
И называет тебя тунгусом диким...
Что ж, и поделом, коль не лживо;
Где скрижали? – Нет! – А оно – живо!
И оно говорит, и оно дышит,
И узнаваем голос, он тот, прежний,
Кто же собеседник твой нездешний –
Тише травы, пирамид выше?..

* * *

Душа больна восторгом, но его
Не рассказать – слова умеют мало,
И всё, что есть, в итоге – ничего.
А как она сперва заболела
Хотинской одой, билась невпопад
О гроб Мещерского, к Славянке убегала...
Зря, зря шумит роскошный водопад,
Зря изгибает трудных струй лекала –
Кому всё это? – Я не повторю,
Мой классицизм уже не тот. Жалею
Мою больную, умную твою,
Покуда речь ещё шумит над нею.

III

* * *

К портрету Екатерины Нелидовой

За двести, даже больше, лет
Прошедших, что переменилось? –
Всё так же молод твой портрет,
Всей хрупкой грацией открылась
Левицкому, стоишь среди
Подруг твоих, в похожих позах
Застывших – медленно сойди,
Расступится тяжёлый воздух,
С холста, и в маслянистый свет
Шагни танцующей походкой,
И на музейный встань паркет...
Недвижен взгляд и подбородком
Ты метишь в близкий потолок,
Привыкнув к царственным палатам;
Хрущёва – странный пастушок
В кафтанчике зеленоватом
Мигнёт подруге и опять
Замрёт портрет перед портретом –
Так что же может рассказать
Душа душе о мире этом?

* * *

Не избежать стеснённого соседства
Души с душой; на что уходят здесь
Усилия напрасные – лишь средство,
А цель в другом... И понимаешь: весь
Этот мир – единственная сфера,
Где бытиё слилось с небытиём,
Где слово с прописной читаешь – Вера –
Как будто девочка и только... На своём,
Таком простом и непереваемом,
Наречии, что слух не может внять,
Её назвать хоть хаосом родимым,
Хоть космосом высоким, но назвать...
И пусть она, как ласточка с карниза,
Куда-то вниз, куда-то вбок и вверх
Бросается – обманщица, актриса,
Товарка суетная... Кажется, что всех
Её свобод не перечислить, только
Свидание, попробуй, запрети –
Она уж рядом и неважно, сколько
Для этого морей перелетит;
Она уж здесь, она в окошко бьётся,
Но в руки взять, легко в ладонях сжать –
Она вспорхнет и жди, когда вернётся,
А не вернётся – чем тебе дышать?

* * *

В букете, что забыли на окошке,
Пчела уснула. Форточка открыта.
Твои ступни, как лёгкие ладошки,
Ты знаешь, я сойду с ума

От лёгкости твоей миниатюрной –
Ты ходишь, а следов не оставляешь,
Подобно ангелам над мраморною урной
Смотри, летящих в никуда.

Ах! Эта лёгкость – Торвальдсен, Канова –
Некрополь сновидений шелестящих...
Инверсиями зрения ночного
Мы очень просто объясним

Развоплощённость, брошенность и эту
Забывость, когда тело неподвижно
И мы не спим, и, кажется, к рассвету
В букете ожила пчела.

* * *

По рукаву, рукаву, рукаву опускаться вниз,
Тронуть мизинец, щековая радость длится,
Словно забытый почти прибалтийский бриз
В эту минуту вернётся, соединится
С мягкой податливой кожей, волной тугой
Прямо в лицо – или крови прилив? Быстрее
Ты отвечаешь, как будто, и под рукой
Влажная лилия, Лола моя, Лорелея...
Нет, ни одно из имён не годится – нет
Этому чувству названия, даже звука –
Только мгновенная связь – никаких примет
Точных, легко узнаваемых... Только туго
В нежной ладони созревшие, словно два
Яблока, сросшихся черенками на тёплой ветке.
Остерегусь – далеко завели слова.
Все перепуталось. Встречи скупы и редки.
Некому слово сказать... Оглянуться – там
Лишь эскалатор скользит, унося улику
Счастья короткого, и по твоим столам
Бродит сквозняк, не умея узнать Эвридику.

* * *

Н***

Я твой застенчивый герой
Из той сентиментальной пьески,
Где с первородною виной
Соединяют арабески,
И всякий вздор или каприз
Играют собранно и споро,
И слышит зал из-за кулис
Приготовления актёра.
И ты, конечно, выход мой
Отметишь мимикой приветной,
А я, с упавшею рукой,
В надежде реплики ответной,
Уже минуту или пять
(Как долго, долго мы молчали!)
Стою, не смея продолжать
Под перекрёстными лучами –
Ты видишь над губою клей,
Ты знаешь наперёд всю фразу,
К проклятой помощи моей
Ты не прибегнула ни разу;
Свою лишь партию, свою
Играешь роль, идя по краю...
Не бойся, я не люблю,
Я знаю правила, я знаю...

* * *

Это пар морской и закатный лучик
Так сыграли зло. Это ветер, что ли,
Подбежал и парус пропал, а лучше,
Если б не было паруса. Поневоле
Отмечаешь девушку, даже позу
Принимаешь, словно у тех же граций
Научился мраморных, и гипнозу
Поддаёшься юности – декораций
Романтических не замечаешь, метишь
В окружении триумфальных фасций
Вдоль по Невскому... Видишь, ты уже бредишь
И не отличаешь галлюцинаций
От печальной истины, от реальных
Отпечатков опыта... Не косой ли
Виноват сквозняк этот? – из недавних
Школьниц питерских две или три Ассоли
Каждый год выходят и верят твёрдо
В то, что мир опустится на колени
Перед ними, смотри – виртуального лорда
Обнимают, назвав себя – Полли, Дженни.

* * *

Не в поколение, скорее – в жизнь различие
Меж нами... Вот и всё, мой друг старательный;
И рядом быть – забыть, забыть приличия...
Рукой руки... Твой жест необязательный –
Какие возмущения, метания,
Какие, Бог ты мой, надежды глупые!
Мы не дойдём до площади Восстания,
Той самой площади, которая... И губы ни
В коем случае на губы не откликнутся
Всей мякотью упругой, гуттаперчевой...
Привычка лечит всё, осталось только привыкнуть
С твоим присутствием, с тобой самой, доверчиво
Ладонь сжимающей, в глаза глядящей... С точностью
Сказать нельзя, что чувствуем – смятение? –
Разделены двух-трёхминутной пропастью,
Что нам в семнадцать лет несовпадение! –
Когда уж завтра кто-то невнимательный
Меня сочтёт ровесником – обрадует...
Но ты ему напомни обязательно,
Что между нами жизнь, и нет возврата ей.

* * *

Твой голос, по буквам прочтённый,
Прорвался сквозь воздух глухой,
Как будто в дупле заточённый,
А может, под старой стрехой,
Птенец научился полёту
И выпорхнул, выпорхнул вон,
И странная эта работа
Похожа на праздничный сон.
И даже не это – летаешь...
Скорее – летает сама...
Послушай, ты, верно, не знаешь,
Как взрослые сходят с ума,
Как чувствуют странно и остро,
Как сердце незримо горит,
Как наш аллергический воздух
Со мной о тебе говорит.

* * *

За горизонт, за вечную черту,
За непереходимую полоску
Ты улетишь – в Челябинск ли, в Читу,
К чертям собачьим, к ледяному лоску
Тайги байкальской, за Уральский кряж
Ты улетишь, предпочитая встряску
Спокойной жизни, выловишь багаж
Из Енисея, ближе к Красноярску.

Ты улетишь в Нью-Йорк или в Париж,
Или в Анадырь – на ветру холодном
Без шарфа полчаса не прстоишь...
Ты улетишь... Вольно ж летать свободным!
Куда ещё? – В Австралию, в Китай –
Вступи с багдадским вором в переписку –
Он обольстит... Как хочешь... Улетай
За Гиндукуш, за Плевну или Плиску...

Ещё, ещё куда бы отпустить? –
За Кара-Кум совместно с Кызыл-Кумом,
Где станешь ты щербет сладчайший пить
И заедать его рахат-лукумом
Сладчайшим же; и раньше на полдня
Встречать закат с его восторгом плотским,
Где – слышишь?! – будет горек без меня
Хлеб бородинский с маслом вологодским.

* * *

Не смей скучать, не смей скулить, не смей
Разочаровываться, о тоске своей
Рассказывать, и разговоры эти
Бессмысленны, как нищая страна,
Как пузыри – их видно из окна
Трамвая на Ириновском проспекте.

И пустыри, и мокрых веток дрожь,
И этот город странно непохож
На тот, другой, воспетый, перепетый:
Дома без крыш – ищи кариатид,
Взгляд не скользит – стремительно летит,
Трамвай трендит: ты-где-ты-где-ты-где-ты...

Ещё пути, так думаю, минут
Не меньше двадцати, тебя проймут
Девицы эти, их невыносимо
Мотает по салону – хохот, визг,
Одна, так – в хлам... Какой, должно быть, риск
Её... О чёрт! Дурные мысли – мимо!

Не знает мир ни счастья, ни тоски,
И лишь тебя, зажатого в тиски
Пустой тревоги, сумрачные тени
Вогнали в меланхолию, а ей
Не смей потворствовать, покорствовать не смей!
И эта, стерва, лезет на колени...

* * *

О, длительные перелёты,
Куда, зачем? – пустой вопрос.
Нужна свобода для свободы,
А что Исаакий не замёрз,
Так то – апрель, не март. Недели
Меняют климат навсегда:
Скворцы обратно прилетели,
Очнулась мёртвая вода.

Но о свободе небывалой
Так сладко, сладко горевать
Психее – ласточке усталой –
Иначе как её назвать?
Дорога выбрана монетой,
По деревяшке постучи,
И вот, расчисленной планетой,
Твой самолёт плывёт в ночи.

* * *

Я больше не хочу красивых этих слов,
И о холодных днях, страдающих одышкой,
Читать и говорить; и жизни всей улов –
Тетрадка странных снов никак не станет книжкой.
Я не хочу тебя разоблачать, ловить
На мелких пакостях – по-разному мы дышим,
Что есть, воспринимать таким, как должно быть,
А бывшее считать как бы небывшим...
И за окном полууснувший двор,
И детский сад напротив двухэтажный –
Я не желаю этот разговор
С тобою продолжать, но кажется, однажды
Я захочу его возобновить...
Нет-нет, к чертям! Вон – за окном мальчишки
Зашли за угол школы покурить –
Не мёрзнут, не пугаются одышки.

* * *

О чём мы, о чём мы с тобой говорим? –
Что жизнь, это тяжбы и склоки,
Что если язык заведёт тебя в Рим,
То варваром... Что на востоке
Всё холод собачий, но каждый привык
К такой ненадёжной погоде...
Что до сих пор мучает флейту старик
В подземном глухом переходе...
Что ты простудился, немного охрип,
Не греют бетонные стены...
Играет на флейте прозревший Эдип
Своей Иокасте – Елены
Невольной подруге... Богов упредив,
Став частью Васильевских линий,
Вы жертвою пали – плутает мотив,
Снимает кино Пазолини.

* * *

Вечер выдался тихим и чутким –
Не дожидаться словца твоего...
Для чего нам слова и поступки,
Раз не значат они ничего?
Раз они забываются, значит,
Мы случайно, случайно вот тут?..
Ничего, время вылечит, спрячет...
Только дети, ты помнишь? – растут.

От минувшего то и осталось,
Что слова. На ином вираже
Ощущаешь усталость и жалость,
Что такого не будет уже.
Что досталось тебе, что открылось,
Что ещё достучалось в твой лоб? –
Что не счастье любовь, что не милость,
Что она – слепота и озноб?!

Всё потери, потери и беды...
А квартира? – да ну тебя с ней! –
Неужели Господь заповедал
Только это? В окошке огней
Стало больше, потом – погасили...
Вечер, кажется, в ночь укатил...
Что нас держит, не то же ль усилие
Держит твердь с мириадами светил?!

* * *

От Валентино или от Кардена
Журнальный шик, а в жизни всё не так –
Ты в той же самой юбке неизменной,
Ты в том же свитере, твой отмечают шаг
Всё те же туфли, видно, нет им сносу,
Всё тот же, что и много лет подряд,
Плащ лёгкий, и не мучаешь вопросом –
Кто в этой бедности извечной виноват?..

Конечно, можно бросить всё, заняться
Доходным делом, скажем, торговать,
За клиентурой день и ночь гоняться,
Мошенничать, навязывать, впадать
В истерику, сведя расход с доходом,
Катать на «ауди» доверчивых девиц,
Под субтропическим лазурным небосводом
Идти на яхте, и щекой ресниц

Щекотный взмах... Ах, да, о чём я, право? –
Как мы привыкли думать, что лишь там,
Где пальмы и базальтовая лава
Застывшая, возможно жить мечтам!
А здесь, под боком, в мороси недужной,
Где ежедневная дорога пролегла,
Гремит февраль своей игрушкой вьюжной,
И лишь твоя рука ещё тепла...

Я виноват: ни Хельсинки, ни Берна
Не показал тебе, и твой наряд –
Укор мне. Что ж, моя вина безмерна,
Я повторю ещё – я виноват,
И если оплачу твой дар сердечный,
И если твой я оплачу ответ –
Самим собой... Не бог весть что, конечно,
Но ничего, прости, другого нет.

* * *

Ты, верно, помнишь ту летунью, что когда-то
Оставила слезу на каменной груди,
А после поднялась, беспечна и крылата,
А камень ей шептал – не уходи...

Ты, верно, помнишь и двух странниц разлучённых
На берегу, в песке, закончивших свой путь,
И скрипку смолкшую, и бархат в складках чёрных,
Поющий в муках вал не позабудь...

Да-да, романтика, я знаю, непреложный
Закон вещей не отпускает нас,
Но в этой пустоте и в тишине безбожной,
Хоть тучкой, хоть волной, хоть этот час...

* * *

Неужто, дни без счастья прожиты –
Одним усердием, старанием?
Неужто, только то и можешь ты
Припомнить с сердца замиранием,
Что недоступными трофеями
Был обольщён – стихами влажными,
Обманут книжными орфеями
И эвридиками бумажными?

Что, что ещё тебе навяли
Все эти враки, эти демоны?
Когда случится петь, Офелия,
О, нимфа, о, сестра Дездемоны,
Не ива, не охалка вербная,
Не горечь слёз осточертевшая –
Твоя любовь, любовь потребна нам,
На градус вечность обогревшая.

Пусть площадной, бездомной, в рублище
Она пройдёт ступнями стёртыми,
Но этих губ, живых и любящих,
Ты не придумываешь – вот они,
Ещё не вскрытыми подарками,
Несносной пыткой ожидания...
Ну погрузись сухими, жаркими
В густую влагу мироздания.

* * *

Вот строим ограду, обносим участок. Вода.
Дырявый сапог. И мечтаем о чае всей дружной командой:
Какой замечательный чайник мы купим, когда
У нас будет дом с черепичною крышей и круглой верандой.
На ней и устроимся, чтоб никогда уже впредь
Её необжитой не знать, ну а там – как придётся.
И мы уже знаем, как за две минуты согреть
Из лучшего в мире – в пятнадцати метрах – колодца
Чистейшую воду, как высыпать чай листовой
В почти что прозрачное белое пузо – семь-восемь щепоток,
И вот он готов – над прозрачной его головой
Кружится парок, он пытит в потолок, он приветлив и кроток.
Мы сушки достанем, все в маковых точках, ещё
Мы сдобные бублики, пряники выложим грудой,
Потом землянику с печеньем, печенье – не в счёт,
И сливки, конечно, ты любишь ведь сливки, и в гнутой
Соломенной хлебнице булку и сядем гуртом
Пить чай, наконец, под тенистым полуденным зноем...
Всё так и случится, я знаю, но только потом,
А нынче забор деревянный никак не достроим.

* * *

Их *достали* дети, задразнили,
В павильоне – гвалт, круговорот...
Обезьянки, бедные и злые,
За стеклом, как в телешоу... Вот,
Смотрят так, что если и поверишь
В их разумность, запросто поймёшь:
От людей и вправду озвереешь,
Не рукой, так взглядом пришибёшь!

Жалко же, но мне – какое дело? –
Их затем и держат напоказ,
Чтобы нам в копеечку влетело
Посмотреть пародии на нас.
У приматов право первородства...
Повторю – какое дело мне?
Но питает чувство превосходства
То, что мы на этой стороне.

И читаешь жалобы и крики,
И следишь движенье быстрых губ –
Их когда-то выловили диких,
Посадили в освещённый куб...
Уж не знаю – в тягость или в милость
Им тепло и сытый полумрак,
Только бы случайно не приснилось,
Что бывает где-то и не так...

IV

* * *

Закрой глаза, в замедленном повторе
Проходит день, а где-то, говорят,
За морем мраморным есть Мраморное море
И звёзды близкие над водами горят.
А здесь – Нева. Мы так и обозначим
Наш север – край восторгов и обид,
С его дождём и холодом собачьим,
Когда ни что ни с чем не говорит,
Поскольку небо войлоком укрыто,
Поскольку вспухла каменная плоть
От влаги повсеместной и, забытый,
Не может шпиль пространство уколоть.

Здесь беззакатен вечер и дремотен,
Уже в обед включают фонари,
И свет сырой из тусклых подворотен –
Слепой эрзац невидимой зари –
В полгоризонта сонная громада
И электричество, гнездящееся в ней...
Закрой глаза, и ничего не надо:
Ни ветра невского, ни Клодтовых коней,
А только встать в колеблющемся створе
Родных огней и глаз не открывать:
За морем Мраморным есть мраморное море,
Так хорошо, так сладко повторять.

* * *

Прощай, Эллада! Кораблей
Неровный клин застыл. По водам
Эгейским ускользнул Эней,
И где он? Царствам и народам
Пример указан – посреди
Своей незыблемой вселенной
Построй жилище, посади
Смоковницу, не осуди
И не убий... Стопою мерной
Воспеть злодейство – лишь оно
Достойно славы откровенной:
Кто строил храм? – Не помню, но
Кто сжёг – известно всей вселенной.

Прощай, Эллада! Так ли мал
Твой мир, как видится нам ныне?
Твой волчий пашенок украл
Тебя саму в твоём же Риме;
И новой вечности отсчёт,
И новых бедств и безобразий
Пружина пущена... И вот,
Покуда вечность истечёт,
Какой-то италийский Марсий
Губою треснувшей припал
К трахее авлоса, послушай,
Как бездны плачущей провал
Мытарит нынешнюю душу...

Прощай, Эллада! Никого
Твои злодейства не обидят.
У края мира твоего,
Где Истр описывал Овидий,
Уже иная саранча
Железо двинула в Карпаты,
Иные лозунги крича,
Иными бубнами бренча,
Но музы тут не виноваты...

Нет, не романтики ничуть,
Всё больше воры и злодеи
Найдут наикратчайший путь
Осуществления идеи,

Какой – не важно, лишь она
Не станет выше человека...
Прощай, Эллада! Имена
От Парфии и Баальбека
До Геркулесовых столпов
Твои рассыпаны, как семя
В невечной вечности, и слов
Навряд ли хватит, и гробов –
Вместить потерянное время...
И что в тех идолах и в их
Искусстве мраморном? За краем,
Где нет ни мёртвых, ни живых,
Мы все в твоём огне сгорим...

Прощай, Эллада! Лёгкий шум
Музейных залов; охра, сажа;
Пуссен, Ватто... Вот я спешу
Троллейбусом до Эрмитажа;
И чья-то жизнь, и чья-то честь –
Сюжеты вымышленных судеб;
И всё, что я встречаю здесь,
Когда-то было, значит – есть!
И даже, если мир забудет
Злодейства доблестные те
И всё, чему душа так рада –
Там, в той надмирной пустоте,
Есть место умное – Эллада.

* * *

Да-да, в Голландии, во Фландрии колбасной,
В далёкой Дании – где отдохнёшь от дел?
Или в Лапландии-Финляндии, согласной
На сталинский карельский передел,
Или в Стамбуле, там, конечно, турки...
Тебе по миру незачем кружить,
Да, в Петербурге, снова в Петербурге,
(Вот и дошли до печки) жить и жить.

Не на Кавказе, нет, не на Кавказе,
С бурливым лермонтовским выговором рек,
Поскольку там ленивый ум в отказе
И заживо в нём умер человек!
Не в Македонии ж играть с албанцем в жмурки –
Вернись к своим холодным берегам,
И в Петербурге, только в Петербурге,
Ходи по Греции и кланяйся богам.

* * *

Это море, гладкое в покое,
Где Кронштадт, как призрак корабля;
Этим близким далям «роковое»
Слово не подходит – тополя
Вдоль воды, черёмуха да ива –
Никаких тропических красот...
Отступи, и сонного залива
С дальнотзорких Пулковских высот
Не увидишь. Отступила, верно,
И мечта о палубах сырых,
Юных бескозырках «Крузенштерна»,
Книжных роковых-сороковых,
Или шумно падающих плицах
(«Волга-Волга» – помнишь? – шлёп да шлёп...),
Что теперь? – неходкий «Коробицын»,
Три-четыре балла – и захлёб
Он спешит – улитка. Не обгоним
Ни волны, ни яхты ни одной.
Ломоносов, тоже мне – топоним,
На буксире виснет за кормой.

* * *

Далеко ли это, близко ли –
Не увидишь за стеной,
В мореходку на Васильевский
Бывшей площадью Сенной,
По Садовой, помню, линии
Там трамвайные, вблизи –
Сам Морской Никола в синее
Звонким золотом блестит.

Лёгкий заморозок, хрусткие
Лужи в трещинах лежат,
По обычаю, по русскому,
На распахнутый бушлат,
На тельняшку толще свитера
И на то, как шаг рука
Отмеряет, композитора
Оба справа, свысока,

Пусть посмотрят. Площадь плоскую
Не сравнишь с водой никак,
Выручает Римский-Корсаков,
Сам потомственный моряк –
Провожает взглядом в мирную
Ту весну, и я нырну,
Словно в Мойку мойдодырную,
В довоенную страну

С деревянными трамваями –
Лавки вдоль прохода в ряд,
С нояблями теми, маями,
С тем, о чём не говорят,
С этой пышечной под вывеской,
С этой площадью Труда,
С мореходкой на Васильевском,
Не оконченной тогда.

* * *

Поди, найди тех барских улиц глянец,
Тех серых вязов марлевою вязь –
Иновременец, тот же иностранец:
Утрачен мир, увы, распалась связь...
А может быть и хорошо, чудесно,
Найти зацепку, то и это слить;
Так славно, так легко и бесполезно
Фасады эти смыслом наделить,
Пускай себе ветшает понемногу.
Но плоскость площади, домов неровный ряд
И конный памятник герою-полубогу
Тригонометрию пространства сохраняют.
Довольно с нас. Спасибо за привычку
Не причитать над участью своей,
За то, что продолжают перекличку
Граниты с хищной сталью кораблей.

* * *

Всё ещё грядут метаморфозы
Над Петровой медной головой:
Скандинавский воздух гонит грозы
На теснины Балтики сырой,
Отцвела черёмуха, опали
Лепестки и ртуть скатилась вниз...
Мы в осаде, мы в глухой опале,
Вероятно, мы уже сдались.
Наша крепость выбросила флаги,
Колер их пока неразличим.
На бумаге, только на бумаге,
Существуем, пряжу ли сучим –
Слово к слову, мысль пришла к морзянке:
По три кратких-долгих знака в ряд.
Серафимы – слуги и служанки
Над родной фонетикой парят.

* * *

Уж сколько дворцов и истории сколько! –
Невнятен хариты расстроенный хрип –
Мне, кажется, ближе Фонтанка, чем Мойка,
Я как-то к окраинам мыслью прилип.
И даже Фонтанка – попробуй завлечь-ка
На Чёрную речку прогулочный бот,
И, всё-таки, именно Чёрная речка
Влечёт, будоражит, уснуть не даёт
Фантазии: как там всё было? Закрыта
Страница, но вот – подступают снега,
Осенние листья сметает с гранита
Ноябрьская дрожь. Согревает рука
В кармане поношенной куртки холодной
Без шапочки жёлудь. Ноябрьская дрожь.
Январь будет после, а холод – сегодня,
И жёлудь на пулю безумно похож.

* * *

Город весь в олифе и извёстке,
Подновляет древние дворы –
На лесах цветные маляры,
Словно лип осенние обноски.
И сентябрь – люблю такую сушь:
Ни дождинки, солнечно и тихо;
Так банально – сладостная чушь –
Осень неумелая портниха,

И кроит, и режет на полоски
Городские скромные кусты...
Что ж такого понимаешь ты,
Что находишь в медленной, неброской
Здесьней фауне, в ландшафте городском
Своего? Ах, ярких красок кража
Продолжается и скоро за окном
Не Матисса встретишь, а Сулажа...

* * *

От мокрого сада, от взгляда на спицу
С фрегатом, от слов неразумных и лишних,
Не надо, не надо пускать за границу
Российских поэтов, всеядных и хищных,
Привыкших к харчам постсоветских столовых,
Со службы до дома ползущих трамваем...
Мы их не жалеем – родных, бестолковых,
Других мы не знаем, и не понимаем,
Что скажет, к примеру, по-фински, по-польски
Или по-французски их тамошний Пушкин?
Нам – ветер ноябрьский на улице скользкой,
Затёртой луны голубые осьмушки,
В трамвайном стекле отражённые, вроде
Вон тех фонарей над контактной сетью...
Что скажет нам Тракль в никаком переводе,
Что скажет непере译имый Россетти?
А что скажем мы европейцам, китайцам?! –
Лишь музыка, танец – а слово убого –
Да живопись кистью поводит, как пальцем,
Смотри, мол, смотри, понимай, недотрога,
Лелеющий смысл... Откровеннее, проще –
Как этот трамвай с архаическим звоном,
Как вечер ноябрьский, который полощет
Невидимый флаг над пустым стадионом.

* * *

Здесь, в Питере, не стоит умирать,
Здесь кладбища промокли – грязь и гнилость,
Земля – не пух... А если выбирать,
Лежать бы там – не знаю где, чтоб снилось
Другое море – с парусом, причём,
Теплее здешнего; показывая спины,
Там солнцем, как оливковым мячом,
Пронзая гладь, играли бы дельфины –
И всё такое... В общем, там лежать,
Где жить хотелось бы, где тминным и коричневым
Густым, богатым воздухом дышать,
Для горожан усопших непривычным,
Поскольку здесь и пахнет чёрт те как,
И мы живём, не замечая, видно,
Что свет – не свет, и мрак – почти не мрак,
И умирать легко и не обидно.

* * *

Триста лет, а казалось – три тысячи лет
Этот город знаком нам: стократно воспеты
И холмы, и колонны, и даже победы...
Ни холмов, ни колонн, ни крылатых побед,

Но раскрывшийся Невский бессонный горит,
Но зажатый Литейный до дома Мурузи...
Мы пока что с тобой проживаем в союзе
Стылых граций, бесстыдных и хриплых харит,

И никто в этот город по воле своей
Умирать не придёт – всё ольха да крапива,
Новостройки ползут в направленье залива
И по-курски над Лахтой кричит соловей...

* * *

На Гатчину балтийским ходом,
В Можайском выйти, посмотреть,
Как невысоким небосводом
Гора скрывается на треть.

Ландшафтам этим посторонний,
Без лыж на снежный встав покров,
Взойти к Ореховой, к Вороньей,
С далёким местом Дудергоф

Войти в согласие. Отсюда,
Пока весь мир не замело,
Смотреть так далеко – о, чудо! –
Почти за Красное Село,

Где в мутной полумгле метельной,
Ещё храня огонь и пыл,
Трубой над тёмною котельной
Знак восклицательный застыл.

* * *

Сирени цветные осколки
И запахи душно-легки;
Трамваем гремучим и долгим
Поедем гулять в Озерки,
В прохладные влажные дебри
Домишек, растущих вокруг,
Неспешно так сядем-поедем –
Забудь, что тебе недосуг.

Итак мы живём в промежутках,
Глухим невниманьем казня
Весь мир. Только запахов чутких
Немая, слепая возня
Скрывает дневные заботы,
Спасая родившийся день...
Не хочешь? Поедем, ну что ты?! –
Пока ещё дышит сирень.

* * *

Уж сколько дней прошло – не отойти
От слякотных дорожек, вдоль Славянки
Петляющих; извилистый, летит
Переплетённый сумрак; от полянки
К полянке след в растоптанном снегу
Перебегает, не найдя дороги...
Лишь повторить, лишь подтвердить могу –
Здесь прижились те, мраморные, боги.

Конечно, образ бронзою блестит –
Недостающий лук представим живо,
Незримая, но слышимо свистит
Стрела, струна дрожит нетерпеливо...
Нет – тетива... Нет, всё-таки – струна;
И хоровод, и хор, и мрак еловый,
И в мокрый снег верхушка вплетена,
Как остриё утка в разрез основы.

Кто вышивает? – Снега нить белей.
Кто этой ткани, тонкому плетенью,
Даёт сюжеты? – Гулкий мавзолей,
Холодный холст, и праздничную тенью,
Едва читаемой, укрытые холмы,
И тишина, скользкая по склону:
Здесь света не конец, лишь первый жест зимы,
И влажный лапник, прячущий колонну.

* * *

Как ласков и умён, и тычется без спросу
В план Павловска – довольно же, не тронь!
Тяжеловоз, носящий имя Консул,
Детей в седле не чувствующий конь.
Как точно дочь его назвала – милый коник;
Сидит в седле, не трогая стремян,
Что ж, обойдём вокруг Молочный Домик –
Всё ждешь, как будто прежних поселян
Увидишь в полумгле широких елей –
Бог времени, приподними рукав...
Но опустел театр, и музы присмирели,
Актёров отозвав.
Теперь смотри – о, этот вид советский,
О, этот нищий, сумеречный быт!
И где же всё, о чём писал Мелецкий?!
Лишь о песчаник шлёпанье копыт,
Лишь детский писк восторженный, и глуше
Шум электрички, слышимый с трудом...
Дочь тянет за руку – давай ещё, послушай,
Зачем тебе дурацкий царский дом?

* * *

Ну что там, чем себя обрадую –
Кентавров мостик, долгий пруд
И Аполлон? Над круглой колоннадою
Там тени волокнистые текут,
Текут в пространстве над порфиропомнящей
Руиной времени – как осень ей к лицу!
И старый шлюз, о чём-то глухо стонущий,
И лестница, ведущая к дворцу,
О, сколько слов, о, сколько мыслей странных! –
И парк вокруг прозрачен, лёгок, свеж –
О, сколько трудных, выстраданных планов,
В утробе каменной задушенных надежд
И подозрений страшных... А блистательных
Трудов былых след в толще лет остыл –
Щедрин, Бугреев, Лори – глаз внимательных
(Вид на дворец и парус белокрыл...)
Едва жива работа безнадёжная,
Лишь маляры чахоточную муть
На стенах развели... Как видно, дело сложное –
Былое, праздничное зрение вернуть.

* * *

Не дождь, но капли в воздухе висят,
И натыкаешься на них. Необратимы
Ограда Парланда у Спаса, чёрный сад,
Коротких луж зеркальные картины,
Немая Мойка; вспять не поплывут
Кленовых ярких листьев галеоны,
И только терпеливые вороны
Сидят и хрипло прошлое зовут.

Я сам бы невозможно, страшно рад
Припомнить забытое. Ограда
Разделит нынешний холодный чёрный сад
На два – на тот и этот... Много ль надо? –
Пройти к дворцу на жёлто-белый свет,
Не слушая нахальной серой птицы,
Клевещущей... Но сад не раздвоится,
И никого в аллеях тёмных нет.

* * *

Море, что на картинах внушает трепет:
Скалы и маяки, и рыбацьи сети,
Ветер ваяет тучи и волны лепит –
Как невозможно прекрасны марины эти
С видами башен Палермо и сицилийских
Сцилл и товарок их, занявших все пейзажи...
Балтика затерялась в коротких, низких
Облаках – неинтересны ландшафты наши:

В Лахте зелёной слизью тростник подчёркнут;
Скучно; болотом пахнет. В какой же рамке
Можно всё это повесить? – Да ну их к чёрту!
Там-то и портовские шлюхи – сицилианки!
Счастье... Я даже не знаю, что значит это.
Вот на полотнах лазоревая погода,
Солнце и море, и, значит, встречаются где-то
Счастье – пустынное слово среднего рода.

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие Давида Раскина	3
----------------------------	---

I

Из окна виден детский сад,	6
Я видел фотографию: сближение	7
В квартире холодно, на улице плюс десять,	8
Придёт зима. Что делать нам? Смотри же,	9
Не умеем жить и не умеем	10
Снова сон, обволакивающий, как	11
Так спеленать, чтоб не пробила дрожь	12
Как паровоз экранный, в копоти	13
Под благовидностью наружной	14
На свете том, как, впрочем, и на этом,	15
Что осталось за кадром, о чём не расскажешь с экрана	17
6-я РОТА (<i>Снигирь</i> , не окончен ещё разговор)	18
Время, только время непреодолимо –	19
Снова профиль античный, безносый, кудрявая медь	20
Когда бы знал тот рыцарь несговорчивый	21
ОСЕННЕЕ (Твой долгий сон ещё не тронул век)	22
ЧЕТВЁРТЫЙ ВОЛХВ (Когда за новою звездой)	23
Какой-то странный свет в недобром взоре,	25
Зиме ещё несколько дней до прихода, и нам	26

II

Заводишь речь, и речь тебя заводит,	28
Когда бы солнце нам вернуть из вечной ссылки	29
Да, конечно, Дантеса убить, задушить в колыбели...	30

Я уже ненавижу переезд железнодорожный	31
Сальери прав, он только один и знает,	32
Весь Рим с его великолепием: и Форум,	33
Что Греция? – Возможно, пастухи,	34
Неужели уже никогда не воспеть нам деяний героя	35
Ты ищешь смысла, спелеолог,	36
Бросаешь камушки, река их отражает	37
Всё возвращаешься к одним и тем же строкам,	38
Всё тянет к тем тавернам, портам,	39
Ни дорожных рожков, ни почтовых ямских перебранок,	40
Ах, что им дался этот ворон,	41
Показали по телеку документальный	42
Среди аллей твоих, оград,	43
В Эрмитаже, даже в Эрмитаже,	44
Отвердело время, гранитом стало,	45
Душа больна восторгом, но его	46

III

К портрету Екатерины Нелидовой	
(За двести, даже больше, лет)	48
Не избежать стеснённого соседства	49
В букете, что забыли на окошке,	50
По рукаву, рукаву, рукаву опускаться вниз,	51
Н*** (Я твой застенчивый герой)	52
Это пар морской и закатный лучик	53
Не в поколение, скорее – в жизнь различие	54
Твой голос, по буквам прочтённый,	55
За горизонт, за вечную черту,	56
Не смей скучать, не смей скульпить, не смей	57
О, длительные перелёты,	58
Я больше не хочу красивых этих слов,	59
О чём мы, о чём мы с тобой говорим? –	60
Вечер выдался тихим и чутким –	61
От Валентино или от Кардена	62
Ты, верно, помнишь ту летунью, что когда-то	63
Неужто, дни без счастья прожиты –	64
Вот строим ограду, обносим участок. Вода.	65
Их <i>достали</i> дети, задрознили,	66

IV

Закрой глаза, в замедленном повторе	68
Прощай, Эллада! Кораблей	69
Да-да, в Голландии, во Фландрии колбасной,	71
Это море, гладкое в покое,	72
Далеко ли это, близко ли –	73
Поди, найди тех барских улиц глянец,	74
Всё ещё грядут метаморфозы	75
Уж сколько дворцов и истории сколько! –	76
Город весь в олифе и извёстке,	77
От мокрого сада, от взгляда на спицу	78
Здесь, в Питере, не стоит умирать,	79
Триста лет, а казалось – три тысячи лет	80
На Гатчину балтийским ходом,	81
Сирени цветные осколки	82
Уж сколько дней прошло – не отойти	83
Как ласков и умён, и тычется без спросу	84
Ну что там, чем себя обрадую –	85
Не дождь, но капли в воздухе висят,	86
Море, что на картинах внушает трепет:	87

Мне предложено изложить своё творческое кредо, чтобы как-то ввести в курс дела читателя и дать понять ему, чего следует ожидать от встречи с моими стихами. Надо признаться, я больше полагаюсь на поэтический инстинкт, на от природы данный каждому человеку поэтический слух, на почти что иррациональное звукомысловое восприятие стихотворного текста, нежели на правильно выстроенную творческую концепцию. Сказанное вовсе не означает, что можно, опираясь только на внутренние ресурсы человеческой психики, заниматься творчеством. На том или ином этапе всегда

присутствует какое-то постепенно изменяющееся представление о том, как надо «делать стихи», и представление это носит характер некоторого теоретического построения, которое, однако, не всегда может быть выражено в логически строгой форме. Сама задача искусства – «выразить невыразимое» сопротивляется этому. Конечно же, стихи, это «песнь наудачу», но каждый пытается поймать удачу, выстраивая собственную систему, подобно завсегдатаю игорного заведения. И всё-таки, система – системой, но если инстинкт поэта войдёт в противоречие с любой, даже самой изысканной и прогрессивной логической схемой, я склонен отдавать предпочтение собственному чувству естественности и гармонии.

XX век предъявил нам образцы самых различных систем, назовём их творческими концепциями. Это, прежде всего, символизм с его искусственно ограниченным словарём, и футуризм с его необузданным словотворчеством, переходящим в заумь. В живописи – начиная с кубизма и супрематизма и вплоть до крайнего абстракционизма, вообще шла безудержная гонка концепций. Но что характерно, если в XIX веке творения авторов причислялись к той или иной концепции после их выхода в свет, то в XX веке концепция стала во главу творчества, а творения поэтов и художников выполняли при ней роль иллюстраций и вне этой концепции утрачивали своё эстетическое значение или, по крайней мере, сильно проигрывали в художественном аспекте всему, что было явлено нам в предыдущий отрезок времени. В этом смысле я разделяю позицию идентизма, который не представляется мне концепцией. Это скорее глубокая внутренняя сопричастность многовековому литературному, а, говоря шире, – культурному процессу, в котором ни одна фигура, начиная с классической античности, а может быть и раньше, и, заканчивая последними конвульсиями постмодернизма, не может быть сброшена с «парохода современности». Другое дело, как мы оцениваем эти фигуры.

Что же до меня лично, то, полагаю, что в ещё достаточно молодой по европейским меркам русской поэзии, при всей кажущейся загруженности её уже явленными образцами, тем не менее, найдётся жизненное пространство и не утратившему своей актуальности XVIII веку, и до сих пор горячо воспринимаемому XIX веку, и ещё не успевшему стать историей XX веку, и только набирающему ход веку XXI. Все поэтические эпохи и все

поэтические пространства должны быть открыты для творчества. Более того, отказ от наследия, с такой лёгкостью объявленный футуризмом, есть возвращение в каменный век и сегодня уже не надо никому доказывать, что продление традиции и есть культура, пронесённая сквозь тысячелетия.

Лучшие наши поэты от Кантемира до Бродского как раз и являют в своём творчестве подобный подход. Всё их новаторство зиждется именно на всеохватном осознании русской и мировой поэтической традиции. Их творческий интеллект, их мощный поэтический инстинкт только и могут дать нечто новое и интересное именно в силу полного владения традицией. Инстинкт поэта – душа стихотворения, традиция – его форма.

Василий Русаков

Русаков Василий Евгеньевич

ГОРОДСКИЕ ЭЛЕГИИ И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
1999 – 2001 г. г. Сборник

СПб.: «Центр информационной культуры», 2001. – 92 с.

ISBN 5-94508-010-1

Подписано к печати 10.05.2002. Формат 60х90 1/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. листов 7,0. Уч – изд. листов 6,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 229.

Издательство «Центр информационной культуры»
198099, СПб, ул. 3. Космодемьянской, д. 31.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 03799 от 22,01,2001 г.

тел./факс: 186-6609